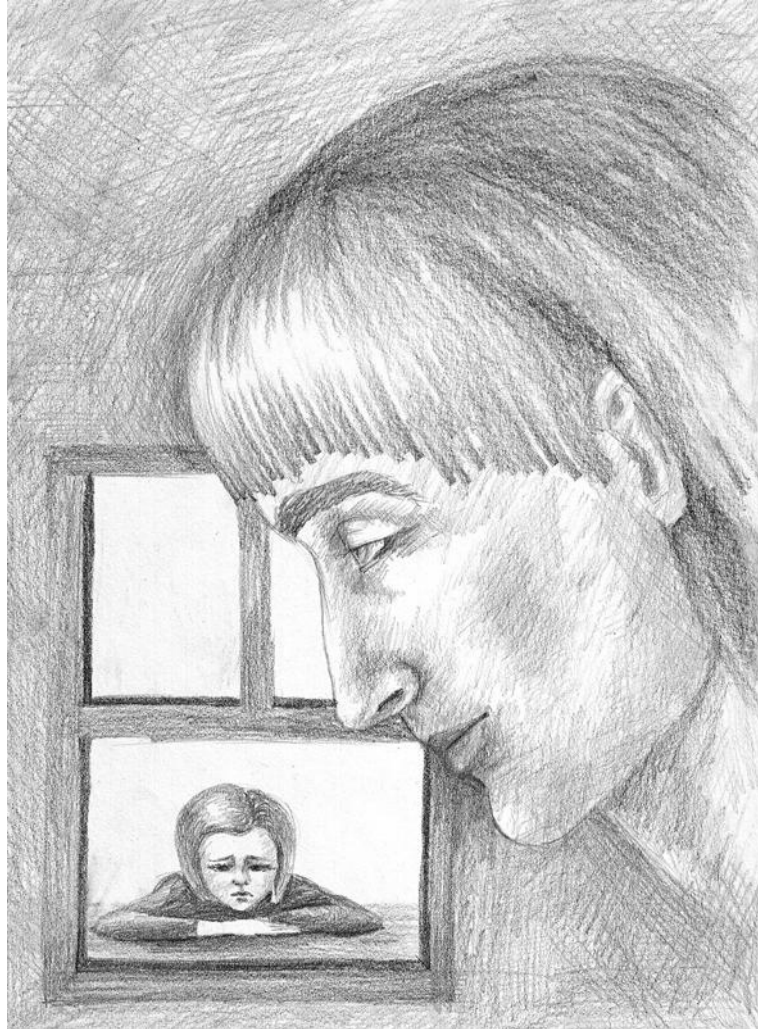

Неприкаянный (рассказ)¹

– Ну, хотя бы вот этот: что, что в нем можно найти такого, чего нет в других? Такого, чтобы сразу захотелось наблюдать за ним, советовать, сниться ему, хранить его в конце концов! Ни-че-го. Ничегошеньки.

Инженер на заводе, по паспорту (аккуратный такой, в серой обложке, с идиотской фотографией, – как у всех) – Александр Петрович Сурнакин. Живет на Новосондецком, новый дом, шестой этаж, можно на лифте, как выходишь – направо. С мусоропроводом и со всеми удобствами. Живет там уже 15 лет и 4 месяца, вместе с женой и двумя детьми. Дети – сыновья – Владик и Володя. Тоже обычные, самые обычные – тузят друг друга, обзываются, мирятся. Случалось, ловил их на полноценной ненависти к друг другу. Жена

¹ Впервые опубликовано: *Карамзинский сад. Ульяновск. 2008. № 3. С. 108-121.* Автор рисунка - Татьяна Половова.

– Васса Александровна (хоть имя немного выбивается из среднестатистического). Она, конечно, его любит. Но всё как-то уже с привычкой и с прохладцей. Иногда даже снятся сны эротического содержания с героем в главной роли, совсем Александра Петровича не напоминающего.

Ко всему названному имеется гараж с погребом. Туда Сурнакин ходит по выходным. Чего он там делает, никому в семье не интересно, даже ему самому.

Из интеллектуальных удовольствий: у него – телевизор и чертежи по работе, у неё... Ну, телевизор, конечно; пару раз заставлял ее в постели с каким-то низкопробным детективом.

Правда, вот Владик иногда радуется сердцу: у него при виде заката душа светлеть начинает, в ауре появляется золотистое свечение.

Мне один из наших на субботнем слёте, в смысле – Совете, сказал, что вырастет, возможно, из него художник средней руки. Я прямо-таки обиделся: почему сразу средней? Конечно, мы все видим, в основном, года на три вперёд, некоторые – на пять. Но ведь, когда часто наблюдаешь кого-то, можно и на обычную интуицию положиться. Я иногда во сне советую ему литературу посерьезнее: порекомендовал ему несколько немецких философских повестей, из современных. Почти заставил их мамашу Библию в картинках им подарить – авось, не зря...

Но опять – ведь тоска смертная! Другие мне на Совете говорят: вот, мол, повезло, куда хочешь, туда и лети, кого хочешь, того и наблюдай. Красота! Да в том-то и дело, что ничего хорошего. Они, остальные, хоть знают: выпало им наблюдать конкретного человека, то уж никуда не денешься. А я – мучайся, выбирай, терзайся неудовлетворенностью...

Да и что за скучные всё люди попадаются! Лет семьдесят назад, помню, прицепился я к одному священнику. Его ангела уговорил пока немного отдохнуть: мол, сам все дела его запишу-перепишу, все в лучшем виде потом представлю. Он и рад-радёшенек. Говорит: «Все равно его через полгода расстрелять должны как врага народа, так что много не напишешь». Ну, не напишу, так хоть понаблюдаю.

В первое время думал: ничего, занятый священник попался. Я прямо-таки оторопел от обилия благочестиво-философских размышлений. Пару раз ему даже в видениях являлся: хотелось настоящего диалога. Однажды целый диспут развели: о гностиках, об Авиценне говорили (я из-за этого Авиценны внеочередную консультацию у одного ангела по дружбе взял). А в следующий раз он мне говорит: ты, мол, мне испытание и соблазнение, ибо нет четкого свидетельства твоей, так сказать, ангельской

природы. Я даже плюнул в сердцах. И так ему за всё оставшееся время и не показался больше.

Ближе к расстрелу позвал с третьего неба его ангела, рассказал все как на духу и оставил провожать душу.

И опять – ну зачем, какой смысл во всем этом?

Неважный из меня соглядатай. А ведь хочется найти себя, понять, зачем ты в этом мире. Самое главное – ответить себе на вопрос, мучающий постоянно: почему я – неприкаянный? Чем я такое заслужил?

Мне пять-шесть тысяч лет, мы все здесь погодки. Сколько я себя помню – всегда был ангелом без определенного, так сказать, места жительства. Все остальные – и душу в тело посадят и из тела проводят, на мытарствах все благодеяния назовут... А я? Чуть не по нраву мне человек – улетаю. Некоторые ангелы охотно со мной частью обязанностей делятся, а других не допросишься. Ну, на нет – и суда нет.

Помню, в 1644 году по новому исчислению наблюдал одну бабушку из новообращенных в какой-то африканской колонии. Вот были времена! Мы с ней целые ночи напролет беседовали: не бабка – дар небес. Я даже, грешен, по хозяйству ей несколько раз помогал – там тесто, листьев каких-то принести. А всё почему? У неё душа на меня похожа: сама не знает, чего ей надо.

Когда ей осталось год до перехода, я ей всё, как есть, доложил и предложил оставшееся время заполнить путешествиями и приключениями. И что? Она сразу – о родственниках да о подготовке к смерти. Скучно...

Сегодня в каком-то городе в окне девочку увидел. Сидит, смотрит на ночной город, а в глазах – тоска смертная. Глянул на ауру – через пять дней, причина – самоубийство. Заинтересовался. Подсел к ней и дал ей способность видеть. Она даже не удивилась.

«Ты, – говорит, – кто?». Я говорю: «Ангел небесный. А ты?» – «А я...» – и заплакала. Я обнял её, покачал в белых крыльях и говорю: «Да брось ты! Будут у тебя и мама и папа! Хочешь тебя завтра же удочерят?» – «Дурак», – говорит. И отвернулась. Я не обиделся.

Потом на Совете узнал: мать и отец у неё три года назад в автокатастрофе погибли. Ей тогда семь было. Людям бывает больно, когда такое случается. Три дня подождал и опять явился. Говорю: «Можно мне просто поболтать с тобой?» – «Валяй», – говорит. «Слушай, давай договоримся так: мне надоело мыкаться по свету, и тебе, гляжу, здесь задерживаться не хочется – всё-таки детдом не из лучших. Если за оставшиеся два дня я тебя уговорю не травиться уксусом, который ты собираешься стащить в столовой, ты

обещаешь мне разговаривать со мной и дальше?». Судя по ее удивленным глазам, эффект неожиданности был достигнут. Я всё-таки неплохой психолог. «Ладно!» – и ударили по рукам.

Начал я так: «О чем тебе рассказать... Пожалуй, вот такую историю. Две тысячи лет назад я знал одну девочку, очень похожую на тебя. У нее отец погиб на каменоломнях, когда она была двух месяцев от роду. Мать засек надсмотрщик за какую-то провинность, причем на глазах девочки. До сих пор помню: он сечет, мать кричит, а девочка (ей тогда было семь лет) – смотрит. Ее маленькие руки повисли по бокам, как плети, глаза – большие и чёрные. И – аура. Это главное. Он сечет и, знаешь, с каждым новым криком и стоном матери аура у девочки все тусклее и тусклее. У детей обычно она чуть голубоватая с золотом по краям. Восход на озере или на море видела? Нет? Ну, мы это дело поправим. Так вот, пока она смотрела, аура у ней стала грязно-желтой, затем – совсем серой. Она такого цвета бывает обычно у безнадежно больных, но девочка прожила еще десять лет. Я иногда ее навещал, вот совсем как тебя сегодня...».

«А что с ней случилось через десять лет?» – «Ее убили при попытке к бегству. Перед побегом она неудачно пыталась задушить одного из старых надсмотрщиков, ну, того, ты помнишь, что засек ее мать. Он-то и поднял тревогу, в результате – ее поймали и закололи мечом...» – «Зачем?..» – «Что зачем?» – «Зачем ты к ней приходил?» – «Ну, знаешь, мне было, прежде всего, любопытно: во-первых, она хороший собеседник, совсем как ты. Во-вторых, с такой аурой не живут дольше недели, а тут – десять лет! Само по себе любопытно...».

Девочка свернулась калачиком на детдомовской кровати (я приходил к ней ближе к ночи) и вдруг сказала, – так, как будто предлагала мне что-то: «Уйди, пожалуйста. Не приходи ко мне больше!». Я напомнил о договоре. Она: «Плевать!».

Я ушел, но мне снова стало любопытно: во-первых, аура у нее сияла зелено-голубым. Так бывает, когда человек понял для себя нечто важное, то, что способно поменять его судьбу и судьбу окружающих. Во-вторых, более любопытных объектов для наблюдения у меня в ближайшее время не предвиделось.

Я решил последить за ней, не досаждая беседами.

Идею с уксусом она отвергла окончательно. Зато значительно изменила свое внутреннее отношение к миру, что было заметно по реакции окружающих. В детдом она попала около двух лет назад, поскольку единственная из оставшихся родственников – старая бабушка по отцу – не в состоянии была ухаживать и следить за ребенком. Девочка вела себя дичком, всех сторонилась, что, конечно, привело сначала к ее неприятию остальными детьми, а затем – к насмешкам и издевательствам с их стороны. Их можно

понять: внутренняя агрессия и неприятие мира (а у девочки в душе тогда светилось именно это) всегда ведут к подобным результатам.

После моих визитов и не совсем приятного расставания с нею она стала как-то более открыта и отзывчива. Несколько раз замечал у нее золотисто-красные цвета, что является знаком постоянной готовности помочь. Ангелов это обычно радует: мол, вот это наш человек, такой – придет срок – мытарства, как семечки, преодолет. Я же обычно не обращал на такие мелочи внимания.

В этот раз поймал себя на чувстве, похожем на радость.

Старею?

Кстати, меня встревожило еще одно обстоятельство: сколько себя помню, перед тем, как наблюдать за человеком, мне всегда приходилось договариваться с их постоянными соглядатаями.

А у этой куда он делся?

Спросил на Совете, те пожимают плечами: мол, бывает такое. Редко, но бывает: живет человек, а ангела у него нет – ни за левым плечом, ни за правым. Мне это показалось странным и достойным особого внимания. Я стал следить за девочкой пристальнее.

Сегодня старшие, человек десять (девчонки и парни из подросткового интерната, – соседнее здание рядом с детдомом), схватили ее с подружкой, заперли в туалете и говорят: «Вы должны друг с другом подраться. Так, чтоб кровь была. Не будете драться – убьем». У моей Юли аура сразу вся красными пятнами пошла. Говорит: «Черти вы последние, я Катеринку бить не буду!». Тогда они всей толпой кинулись на нее. Один из них – Витька, такой белобрысый, самый крупный из всех и самый злой, начал пинать ее штиблетами в живот. Мне это не понравилось, и я быстренько устроил приход воспитателей (усилил их некоторые естественные потребности). Те разогнали толпу и отправили Юлю в лазарет. Девочке было очень больно, идти отказывалась, размазывала грязь по щекам и пыталась успокоить подругу. По дороге у нее в области печени что-то невыносимо загорелось, и ее понесли в лазарет уже без сознания. Я воспользовался случаем и повел ее душу на свое любимое место – между вторым и третьим небом. Там я часто отдыхал в одиночестве, ибо об этих местах мало кто ведает из нашей братии.

Принес ее, а душка у нее маленькая, светленькая – почти как у некрещеных младенцев, когда их переносишь после смерти (я как-то раз напросился участвовать в этом – так, ради расширения опыта). Говорю ей: «Слушай, Юль, давай помиримся. Честно слово, не с кем и поговорить нормально! А просто так наблюдать за тобой – никакого

удовольствия». Она головкой согласно покивала и спрашивает: «А с Катей все хорошо?». Я поморщился, однако же связался с Катиним соглядатаем. «Да всё отлично, сидит твоя подруга на своей кровати и за тебя переживает!». Душка захлопала в ладоши: «Покажи мне здесь что-нибудь?!» – «Да пожалуйста!» – говорю. Посадил ее на плеча и отвез в преддуше. А там – светло, зелено, солнечно, речка бежит-звенит, воздух глубокий-чистый, – в общем, как всегда.

«Ой, как хорошо! А что это за детишки возле речки играют?» – «А это, – говорю, – души младенчиков умерших. Некоторые из них скоро на землю снова собираются» – «А кто с ними?» – спрашивает. «С ними, – говорю, – тетя Наташа, ваша соседка, помнишь, которая в яслях работала, ее поездом на станции зарезало?» – «Как же, – говорит, – помню. Она такая добрая, мы ее очень все любили...» – «Вот теперь она за детьми присматривает. Здесь ее тоже любят... Тебе, кстати, пора, долго здесь оставаться нельзя, а то вернуться не сможешь. Если захочешь, я потом тебе еще что-нибудь покажу», – и отправил ее назад, в тело. Там уж «Скорую» вызвали, испугались: что-то внутри ей повредил стервец своей штиблетой!..

К стервецу пришел ночью, вырвал душу за уши и говорю: «Пойдем, покажу тебе, где таких, как ты, держат!». Перетащил его по мосту. Ну, там внизу – стоны, руки-ноги всплывают, скрежет зубовой, всё как полагается. Он спрашивает: «А там, под мостом, кто?». Я говорю: «Известно кто – те, кто младенцев из утробы вытравливал, души губил иль молоко с водой смешивал. Ну, да это не твоё, твоё – вот!» – и сбросил его в яму для душегубцев и насильников. Там кругом цепи висят да крючья, и черти вымещают злобу на спинах и внутренностях попавших сюда. Постоял на краю, разрешил им немного поугатать его (с ангелом его, понятно, договорился, да тот и не возражал, наоборот, помочь вызвался). Затем вытаскиваю его душу за уши и говорю: «Ну, видел, где измыватели да насильники век коротают?». Трепещет душа его. «Если, – говорю, – ещё раз поймаю на подобных занятиях, здесь и оставлю», – и швырнул душу в тело, – едва не промахнулся.

Юлька через три дня – как огурчик. Сидим ночью – болтаем.

«Я ведь почему на тебя разозлилась, – говорит, а аура коричневает: стыдится девчонка, значит, – ведь ты словно и чувствовать ничего не умеешь!». Меня это заинтересовало, попросил поподробнее с сего места. «Ну, вот смотри, – и умильно так лоб свой с родинкой тереть начала: всегда так делает, когда задумывается. – Ведь та девочка на каменоломнях, про которую ты рассказывал, ведь у неё никого, совсем никого не осталось. И ты видел этот момент, – момент, когда вот еще кто-то у нее есть, а через несколько минут уже не будет. И ей позволил видеть это. И тебе было только

любопытно...» – «А что же я должен испытывать – жалость, что ли? Нам запрещено вмешиваться в судьбу людей! Они должны совершать свой выбор сами. Если ее матери суждено было погибнуть от рук надсмотрщика, а девочке – увидеть это, – кто смог бы этому помешать?» – «Ну, ведь ты помог мне? Ты же сам рассказывал: заставил прибежать воспитателей, проучил Витьку? Так?» – «Так-то так, – я был обескуражен и раздражен, – да не совсем так. С тобой по-другому. Так, как с тобой, у меня еще никогда за эти шесть тысяч лет не было...» – «А что же изменилось?». Я пришел в такое смятение от ее вопросов, что впервые за всю мою ангельскую практику, вынужден был покинуть наблюдаемого без предупреждения.

Ушел к себе, на любимое место между вторым и третьим небом.

«Да что это я?» – я был чрезвычайно недоволен собой. Столько раз думал обо всех этих вопросах, о своей неприкаянности, о том, как правильно относиться к подобным ситуациям – и на тебе! – пожалуйста: десятилетняя девчонка выбивает меня из основательно накатанной за эти тысячелетия колеи.

Дело не в том, что меня беспокоили вопросы, кого спасать, а кого не спасать: действительно, не мое это дело, а Того, кто волосок подвесил. Меня мучил именно этот конкретный вопрос и эта конкретная ситуация: «А что же изменилось?».

Я – существо разумное и решил спокойно сопоставить эти две ситуации. Я даже решил разыграть в своем воображении две сцены: избиение матери у той девочки две тысячи лет назад и избиение в туалете совсем недавно.

По общему смыслу события мало чем отличаются – и там, и там было зверское, несправедливое, то, что надо было остановить, то, чего не должно быть. Но мое отношение к ним – совершенно различное. Там, две тысячи лет назад, я был объективен и спокоен. Там я созерцал ауру девочки, и ее переливы захватывали меня больше всего. В отношении Юли мне, в общем, на ауру было, как она ни скажет, наплевать!

Ну, нет! Ну, не привязался же я к ней за такое короткое время?! Меня на Совете, – скажи кому, – засмеют!

Я решил исправить дело временем и не являться ей и не следить за ней каких-нибудь лет пятьдесят. Благо, в отличие от других, я могу это себе позволить. Кому какое дело! Я – неприкаянный. Я на Совете никакого места не занимаю. Меня никто никогда не слушает. Мне на-пле-вать!

Объявился у неё на третий день. Она скорее зарылась у меня в крыльях: «Ну где ты был? Куда ты подевался? Я так соскучилась, у меня столько произошло!». Это за три дня-

то?! Ну что там произошло: ну, Витька приходил извиняться, ну, оценку хорошую получила. Эка невидаль! А по какому предмету? Математика? О-о, уважаю точные науки.

В общем, поболтали, причесал ее, ногти постриг – откуда она столько грязи находит, чтобы под ногти забивать?!

«Ты, – говорит, – обещал мне ещё что-нибудь показать» – «Обещал, – говорю, – значит, обязательно покажу». И уволок ее в обычные обители, где наши с некоторыми людскими душами обитают. Показал: на зеленых-зеленых холмах стоят маленькие белые домики, церквушка с позолоченным куполком посреди селения. Зашли, посмотрели. «А почему, – спрашивает, – икон нет?» – «А зачем, – говорю, – здесь иконы? Здесь все свои служат – в живую» – «Давно хотела тебя попросить, но не знаю...» – «Зато я знаю...» – и сам недовольство изображаю, а светящиеся глаза свои спрятать не могу: ведь уже несколько дней специально к этому готовился, всё узнавал и организовывал.

Повел её в домик через три улицы – тот, что налево от церкви.

Домик чистенький-чистенький, и всё в нем белое: и стены, и занавески, и потолки, а чувствуешь себя уютно. Как увидела она своих родителей, бросилась к ним, целует их – и руки и лица, и плачут все втроем! Я сам отвернулся и правым крылом немного закрылся, чтобы не дай Бог не увидели, как я слезу пустил.

Сели с ними за стол, угостились, чем Бог послал. «Мама, – спрашивает Юля, – а почему у вас еда так похожа на ту, что мы сейчас в детдоме едим?» – «Это потому, дочка, что ты, как ешь, так о нас вспоминаешь – вот и помин нам, доходит до нас... А ведь это только недавно у нас совсем хорошо стало, а раньше мы с папой всё время по пояс мокрые ходили: протекал у нас домик. А теперь – вроде бы получше, течет, но реже». Поели, посмеялись, поболтали. «Ну, всё, Юля, – говорю, – пора нам. И без того мы больше, чем положено, здесь пробыли!». Юля посерьезнела и кивнула. Они попрощались, я вывел её на двор, а сам – к родителям и тихо спрашиваю: «Я гляжу: домик-то у вас с тремя комнатами. Третья для кого? Я правильно догадался?». Те кивают – и радостно, и грустно одновременно. Тут я посерьезнел.

Помахали мы, родители из окна нам тоже сделали ручкой. Веду я Юлю к выходу, а она говорит: «Анг, – это она мне такую «кликуху» придумала: у всех в детдоме, говорит, клички есть, и у тебя должна быть; я смеялся и не возражал. – Анг, – говорит, – а кто решает, сколько нам оставаться положено?». Я сразу понял, куда ветер ветку клонит: «Вот что, Юля, я твою просьбу исполнил. Часто ты их навещать не сможешь. Придёт время – и вы снова будете вместе. Третью, маленькую комнатку видела? Это тебе приготовили. Придёт твое время, и ты с ними будешь жить там вместе – в счастье и радости». Она помолчала. А потом снова говорит: «Анг, но ведь если бы не ты, я бы давно уже была там

– либо кислоты напилась, либо убили бы меня тогда в туалете?..» – «Дура! – это я сгоряча.
– После самоубийства не сюда попадают!» – я ведь вспылчив иногда. Схватил её и провалился с ней на шесть уровней вниз. Поднялся на обожженный пригорок и говорю: «Смотри!». А там – обыкновенное дело. Черти на самоубийцах воду да смолу возят. Плетки макают в жижу вонючую и погоняют побольнее, чтобы резвее тащили.

«Вон ту видишь? Узнаёшь? Узнаёшь, говорю?» – а сам грозен сделался: с ангелами шутки плохи, когда они гnevаются. Посерели мои крылья от адского пламени, вытянулась шея, как у грозной птицы. «Узнаю, – говорит, а сама дрожит мелкой дрожью, – это тётя Шура, та, что повесилась два года назад» – «То-то!».

Юлина тётка должна была взять её под опеку после гибели родителей, да вот – не вышло... Я швырнул девочку в тело. А сам встал неподалеку, повернувшись к ночному окну. Минут через десять она подошла и потянула меня за крыло: «Ну, не обижайся, Анг! Я больше не буду, я глупая...». Я поднял её на крылья: «Ты не глупая, ты – маленькая и хорошая...». Мы снова были радостны и болтливы.

«Анг, – сказала она уже потом, – а тёте Шуре уже никак не помочь?». Я покачал головой: «Давай не будем об этом».

Однако приготовленная третья комната у меня не шла из головы. С накопившимися вопросами я поплелся на очередной Совет. Может, там что посоветуют...

Посоветовали мало: если, говорят, комната приготовлена, значит, её ждут. Но кто знает – когда? Может, лет через пятьдесят?

Я бы тоже так хотел думать, но что-то мне запрещало смотреть даже в ближайшее будущее девочки. Промучившись с неделю, я решил прибегнуть к последнему средству и поднялся на второе небо, где бывал редко: уж больно там светло и многоангельно.

Зашел к одному знакомому архангелу: он всё-таки чином повыше да и разбирается во всем этом получше.

Зашел – поговорили. Встретил он меня прохладно: всё-таки я не залетал к нему уже около полутора тысяч лет. Среди наших это считается не очень приличным. Ну да ладно. Когда перешли к сути, он расхохотался, как больной: «Не узнаю тебя, брат! Да неужели и тебя зацепило?! Это тебя-то, неприкаянного?!». Я только руками замахал: «Да причем тут это? Скажи лучше, как быть?» – «Как, – говорит, – быть: все очень просто: когда ей суждено, тогда и перейдет она в свою комнатку. Всё, как положено. Или ты забыл, что решать, когда жить и когда умереть, – в наши обязанности не входит?» – «Да знаю я, – я прямо крыльями захлопал от волнения, – да вот беда: ведь если уйдёт она в родительскую обитель, я ей уж и не нужен буду!». Архангел засмеялся так, что закачались все семь

небес: «Да ты рехнулся, что ли? – он слегка стукнул меня крылом по голове. – Так и должно быть: её срок придёт, ты проведёшь её душу по мытарствам, а там – концы в воду – летай, ищи себе нового наблюдаемого!» – «Да знаю-знаю... – я устал и был раздражен его менторским тоном и громоподобным хохотом. – Мне просто хочется побыть с ней подольше. Я впервые... впервые что-то такое почувствовал, какое-то жжение вот здесь – за неё» – и показываю ему на грудь, где крылья срослись. Тут он согнал улыбку с лица: «Это хорошо, брат. Так и должно быть. Все мы когда-нибудь приходим к этому, испытываем это. Это хорошо...» – «Да что хорошего? Что испытываем?!» – «Сам, – говорит, – всё поймешь...». Я вылетел от него чрезвычайно злой и недовольный собой.

Когда был у неё, она печаль мою сразу заметила. Я ей выложил всё начистоту: не могу кривить душой. Она, кажется, всё поняла. Оказалось, может, даже больше моего... Обняла меня за шею и говорит: «И я тебя люблю, ангелочек мой!». Так и сказала: «Ангелочек»... Не помню даже, как снова очутился на третьем небе.

А когда вернулся, она спала, свернувшись калачиком. Я будить не стал, навеял ей пару снов про что-то приятное...

Прожила она еще два года. Что-то внутри её непоправимо нарушилось от того сокрушительного удара штиблетой. Я в этом плохо разбираюсь, врачебное это дело, а не ангельское. Мы шли за ее гробом вместе – я и она. А потом было ещё сорок счастливых дней, когда я водил её душу по всем местам, где она была раньше. Мытарства мы прошли легко, отстояли молебен в церквушке с золоченым куполом. Затем пошли к домику, в котором нас ждали ее родители. Она сжимала мою руку своей ладошкой, волнуясь в предчувствии встречи. Все было как тогда, но радостнее. Их души светились красным и позолотой – так бывает, когда искренне любишь.

Когда мы прощались, я обнял её крыльями и поблагодарил. «За что же? Я должна говорить спасибо!» – «Нет, – отвечаю, – я. Ведь я теперь уже не неприкаянный. Теперь просто – ангел. И нисколько об этом не жалею».